

Цзян Чжунсюэ, казалось, что-то почувствовала. Она смотрела на закрытые глаза Цинь Чаншэн, под которыми явно двигались зрачки, и на её лице появилось выражение скорби и твёрдой решимости. Она протянула руку и сжала горло Цинь Чаншэн.

Та, занятая борьбой с Юй Инь за контроль над телом, не ожидала, что хватка на горле усилится. Стиснув зубы, собрав последние силы, она вдруг рванулась и со всей дури дала пощёчину Юй Инь, вышибив её прочь из своего тела!

Звук пощёчины оглушительно разнёсся по лесу, снова спугнув едва успокоившихся птиц.

Цинь Чаншэн резко села, рука её всё ещё была занесена для удара, и Цзян Чжунсюэ, не успев уклониться, получила эту оплеуху.

Она убрала руку с горла Цинь Чаншэн. Выражение её лица стало непостижимым, а все слёзы исчезли. Цинь Чаншэн, опираясь на неё, тяжело дышала, голос её был слаб, и она прокашлялась:

— Прости, я не тебя хотела ударить.

Цзян Чжунсюэ молча смотрела на неё, лицо её было непроницаемым. Помолчав пару секунд, она подняла руку и мягко похлопала Цинь Чаншэн по спине.

Та на мгновение замерла, отдышалась и уже злобно уставилась на Цзян Чжунсюэ:

— Нет! Я именно тебя и хотела ударить! Зачем ты меня душила?

Только что она кричала «Чаншэн, Чаншэн», а потом, увидев, что та, возможно, спасётся, снова попыталась её прикончить.

Что вообще у неё в голове?

Цзян Чжунсюэ обняла её и тихо, но властно сказала:

— Не двигайся!

Цинь Чаншэн вздрогнула от её тона и замерла. Только что вернув контроль над телом, она ощутила всю накопившуюся боль, слабость и изнеможение, которые обрушились на неё волной. Цзян Чжунсюэ держала её, положив руку на плечо, и её лицо в мгновение ока приняло обычное, холодное выражение. Она спокойно, методично ощупала её руки и ноги.

— У тебя сломана рука, — констатировала она ровным тоном, словно вся недавняя скорбь была лишь галлюцинацией Цинь Чаншэн. — На лице кровь. Я думала, ты повредила голову и тебе уже не помочь. Но, похоже, ты выкарабкалась.

Цинь Чаншэн лежала у неё на руках, едва дыша от боли. Услышав это, она с усилием вдохнула и процедила:

— Нога... у меня ещё нога ранена.

Цзян Чжунсюэ мельком взглянула на её ногу и равнодушно произнесла:

— Это не считается.

Цинь Чаншэн тут же расплакалась от ярости. Ей и так было невыносимо больно, а теперь эти

слова!

— Да? Не считается? — сквозь слёзы прошипела она. — Тогда отпусти, сама дойду!

Цзян Чжунсюэ лишь кивнула: «Угу».

Это равнодушное «угу» пронзило сердце Цинь Чаншэн острой болью. Почему Цзян Чжунсюэ такая бесчувственная? Зачем она снова и снова пыталась к ней подольститься, надеясь наладить отношения? Только и получала, что холодное равнодушие, раз за разом разбивавшее её надежды. Сама же и виновата, дура!

Цинь Чаншэн чувствовала, как сердце её обливается кровью, а Цзян Чжунсюэ спокойно держала её и спрашивала:

— Где ещё болит?

Та посмотрела на неё с презрением, стиснув зубы от пронзительной боли в ноге, и язвительно бросила:

— А тебе-то что? Разве я не сказала тебе убраться? Что, пожадничала, вернулась за деньгами нашей семьи?

Сказав это, она тут же пожалела. Она же ранена! Если рассердить Цзян Чжунсюэ, и та уйдёт, что тогда? Останется тут в лесу, покалеченная, на съедение кабанам?

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё и спросила с предельной серьёзностью:

— Ты правда хочешь, чтобы я ушла?

Цинь Чаншэн, стараясь сохранить остатки гордости, сквозь зубы прошипела:

— Да! Уходи! И ни гроша от нашей семьи не получишь!

Цзян Чжунсюэ с тем же серьёзным видом кивнула. Цинь Чаншэн лишь сверлила её взглядом, стиснув зубы.

Лунный свет разливался по лесу, окутывая всё туманным сиянием. Красный след от пощёчины на щеке Цзян Чжунсюэ постепенно исчезал.

— Раз уж ты хочешь, чтобы я ушла, — произнесла она тем же деловым тоном, — не могла бы ты для начала отпустить мою футболку, Цинь Чаншэн?

Цинь Чаншэн вцепилась в её майку, сжав ткань так, что та вся сморщилась. Она держалась изо всех сил, словно хватала за уши кролика, готового сию же секунду улизнуть, и упрямо твердила:

— Не отпущу! Уходи сама!

От боли и от собственных слов её снова захлестнули слёзы — и обида, и злость. Она лишь сверлила глазами Цзян Чжунсюэ, полная тревоги, боясь, что та сейчас рассердится по-настоящему.

Но вместо этого, спустя мгновение, Цзян Чжунсюэ вдруг тихо рассмеялась.

Казалось, даже луна позади неё померкла от этого смеха.

Лесной ветерок пробежал мимо, неся с собой прохладу. У ручья, в серебристом свете, Цзян Чжунсюэ смотрела на Цинь Чаншэн, и лёгкая улыбка тронула её губы.

Цинь Чаншэн, очарованная этим неожиданным выражением, разжала пальцы. В следующее мгновение она оказалась на руках у Цзян Чжунсюэ, которая легко подхватила её на руки.

Не успев опомниться, Цинь Чаншэн услышала, как её голос вновь стал ровным и холодным:

— Мне жаль того, что пообещала мне ваша семья.

Лунный свет был обманчив и туманен.

Цзян Чжунсюэ пошла обратно, неся Цинь Чаншэн на руках.

Держала она её бережно, с осторожностью, словно это был хрупкий фарфор. Цинь Чаншэн, наблюдая эту нежную бережность в сочетании с ледяным выражением лица, не выдержала и спросила:

— Цзян Чжунсюэ... мы раньше встречались?

Та поправила её, чтобы та обвила руками её шею, и спокойно ответила:

— Нет.

Она подняла взгляд на склон, словно оценивая, сможет ли с такой ношей на руках взобраться обратно. Цинь Чаншэн последовала за её взглядом. Склон, с которого она свалилась, был густо усеян торчащими ветками и покрыт слоем прелых листьев.

Высотой метра три-четыре. Поскольку это было лесное понижение у ручья, земля была влажной, а гниющие листья делали её скользкой — это, собственно, и спасло ей жизнь, смягчив падение.

Цинь Чаншэн притихла у неё на руках, погружённая в свои мысли. Цзян Чжунсюэ оценила расстояние, сделала пару шагов назад, затем, будто подхваченная порывом ветра, легко и стремительно взмыла вверх по склону, неся её на руках. Движение было столь лёгким и грациозным, что она не запачкалась ни каплей грязи.

Цинь Чаншэн смотрела на неё, разинув рот. Засохшая кровь на лбу делала её выражение лица комичным.

— Это... это что, легендарный цин-гун? — выдохнула она.

Цзян Чжунсюэ не ответила. Ни да, ни нет. Не дождавшись ответа, Цинь Чаншэн почувствовала, как её начинает клонить в сон. Рана на голове давала о себе знать, но любопытство пересиливало.

— Не хмурься так, — продолжала она, борясь с дремотой. — Мы ведь уже побывали на волосок от смерти. Ты меня спасла, наша семья тебя отблагодарит. Кстати, я всё слышала, что ты там говорила.

Она сморщила губы, передразнивая её недавний скорбный шёпот тонким голоском:

— «Ах, Чаншэн, Чаншэн, как я хотела бы умереть с тобой! Не могу видеть, как ты плачешь!»

Цзян Чжунсюэ шла дальше, не меняясь в лице. Цинь Чаншэн была разочарована, но боль снова начала пульсировать, и она заговорила снова, чтобы отвлечься:

— Цзян Чжунсюэ, ну хватит быть такой холодной! Мы же теперь напарницы! Когда я умирала, ты так убивалась... Почему же раньше ты меня так, казалось, ненавидела? Я уж думала, может, в детстве мы поссорились, я выросла и забыла, а ты до сих пор злишься.

Цзян Чжунсюэ не возражала, позволяя ей нести околесицу. Цинь Чаншэн, слабая, съёжилась у неё на руках и спросила жалобно:

— Цзян Чжунсюэ, ты такая противная. Ты ведь уже зовёшь меня Чаншэн... Почему нельзя просто нормально со мной общаться?

Цзян Чжунсюэ шла вперёд, но вдруг остановилась. Она осторожно опустила Цинь Чаншэн на землю и откуда-то достала небольшой нож.

<http://bllate.org/book/16269/1464197>